

Borisevič, V. V.

[Философия языка: в границах и вне границ]

Opera Slavica. 1997, vol. 7, iss. 2, pp. 56-63

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116423>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

*** RECENZE ***

Философия языка: В границах и вне границ (Редакционная коллегия: Ю. С. Степанов (отв. секр.), В. З. Демьянков, В. В. Петров, С. Г. Проскурин, А. Л. Факторович, Д. И. Руденко, Ю. И. Сватко, П. Серιο, Я. Ядацки. – Харьков, «ОКО», 1993. – Том I. – 192 с. (международная серия монографий).

Язык издавна считался удачным и благодарным объектом философствования, а отсутствие в нем жесткого единообразия при неоднозначном соответствии реальному и ментальному мирам порождало со времен античности разнообразнейшие лингвофилософские течения, осколки которых и поныне активно циркулируют в системах лингвистического знания. Неудивительно в этом смысле появление рецензируемого сборника как попытки философской рефлексии над лингвистическим гнозисом, хроносом и топосом.

«В социокультурном плане, – говорится в своеобразном Введении (Д. И. Руденко) к сборнику, – издание серии монографических исследований "Философия языка: в границах и вне границ" представляет собой попытку концептуального оформления (а отчасти – и создания, по крайней мере "институционализации") славянской линии философии языка, придания ей статуса традиции» (с. 10). Это – как бы первоначальное очерчивание «границ», впрочем, пронизанное убежденностью в последующем выходе за их пределы, в преодолении давления объектов, концепций, терминосистем на свободный философский дискурс лингвистического толка.

Действительно, в качестве объектов философствования здесь избираются концептуализированные области и культурные парадигмы (Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин), синхрония и диахрония языка (С. А. Мегенгесов), строевые и категориальные средства языка (Н. А. Луценко), парадигмы философии языка (А. Л. Факторович, П. Серιο, Д. И. Руденко), язык власти (Д. И. Руденко, П. Серιο). Так или иначе в сборнике анализируются концептуальные построения Т. Куна – о научных парадигмах, М. Фуко – об эпистемах знаний, Ю. С. Степанова – о парадигмах и стилях мышления в науке и в культуре; М. М. Бахтина – о полифонии и диалогизме, Э. Бенвениста – о субъекте в языке и вне языка, В. фон

Гумбольдта – о внутренней форме языка, Э. Гуссерля – о действительной бытийной независимости (объективной реальности) вещей, С. О. Карцевского – об асимметрическом дуализме языковых знаков, С. Крипке – о возможных мирах, А. Ф. Лосева – об имени и числе, П. Сорокина – о социокультурной динамике, Ф. де Соссюра – о системно-структурном подходе. П. А. Флоренского – о философии имени, К. Г. Юнга – об архетипах, Р. Якобсона – о неоднозначной интерпретации отрицательного члена бинарных оппозиций. Естественен для данного издания спектр имен историко-философского поля: классики – Лао-цзы, Парменид, Сократ, Платон, Аристотель, номиналисты, Б. Паскаль, Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, Б. Спиноза, И. Кант, И. Г. Гердер, Г. Гегель – соседствуют, а иногда и сталкиваются с современниками, определившими, по большому счету, философский облик нашего столетия, – Дж. Муром, Р. Карнапом, М. Хайдеггером, Л. Витгенштейном, М. Бубером, Г. Х. фон Вригтом, Х.-Г. Гадамером, М. К. Мамардашвили, Ю. Хабермасом. Беглого взгляда на этот далеко не полный перечень достаточно, чтобы понять – границы философии языка расширяются до границ философии культуры, а может быть и до границы философии бытия в целом, с современными коннотациями имен и текстов (что-то наподобие одной из зеркальных метафор Х. Л. Борхеса о Пьере Менаре). В этом заключена специфика и основная сложность восприятия содержания сборника для неподготовленного читателя, преодолимая, однако, через вчитывание, вдумывание, «вхождение в круг». Хотя, предназначены ли эти тексты для рецепции – или это просто графически субстанцированная беседа единомышленников?

Обратимся теперь к составляющим сборник дискурсам.

В статье **Ю. С. Степанова, С. Г. Проскурина**, «Смена "культурных парадигм" и ее внутренние механизмы» «авторы хотели бы не "постулировать" наличие неких культурных явлений типа "парадигма", "эпистема" и т. п., а исследовать внутренние механизмы перехода от одного образования такого рода к другому» (с. 13). Для этого первоначально терминологизируется понятие «культурной парадигмы» как сопряжение дисциплинарной познавательной перспективы (объединяющей матрицы) с многообразием и конкуренцией идей, концепций, наук. Затем выдвигается гипотеза о существовании некоторых таксономических рядов культурной сферы, подтверждаемая на широком археологическом и языковом материале. Так, выделяются материальные ряды, определяющиеся динамикой техникопрактической деятельности человека. Как эволюционные семиотические структуры, материальные ряды могут скрещиваться между собой («Палка» = «веретено» x «прясть» = «прялка» – «веретено»), способны и к расщеплению (примитивная обработка дерева – пле-

тение: 1. гончарство, 2. ткачество). На материале работ О. Н. Трубачева показывается, что «языковые связи сильны между плетением и гончарным делом, в то время как материальные связи, напротив, сильны между плетением и ткачеством» (с. 21). Это названо авторами асимметрической дополнительностью, которая, по их мнению, в настоящее время необъяснима. Нам представляется, что функциональная семантика асимметрической дополнительности как процесса переноса имен на материально несвязанные процессы (действия) кроется в заместительном характере гончарного дела по отношению к плетению (изготовление, скажем, емкостей в широком смысле – корзин – сосудов); ткачество же представляет приложение старой технологии (т. е., энергетические связи сохранены) к производству новой «продукции» – холста и пр. Это – не единственно возможное, но вполне приемлемое объяснение обнаруженного Ю. С. Степановым и С. Г. Проскуриным факта. Именно поэтому связь между определенными стадиями развития материальных рядов по линии предикатов (глагольных корней) генетически непрерывна, тогда как связь по линии вещей – прерывиста, пунктирна. Авторы усматривают этому два вида каузации, возможно, связанные друг с другом: а) материальную, согласно которой гипотетически «для преемственности ремесел в длительной перспективе важным оказываются энергетические и динамические принципы (процессы)..., а не сам... материал или предмет» (с. 22), и б) языковую – «сохраняемые и передаваемые от эпохи к эпохе термины – это предикаты, в то время как прерывающиеся и возобновляемые группы терминов – это актанты, заполняющие места, "прорези" в предикатах». «Не приоткрывается ли здесь, – вопрошают авторы, – перед нами какой-то новый, ранее ускользавший от внимания факт: предикаты, связанные с формой предложения (всегда казавшейся лингвистам чем-то неустойчивым, неподдающимся реконструкции и т. п.), оказываются в долговременной перспективе более устойчивыми, сохранными и передаваемыми по традиции, чем имена вещей?» (с. 22).

В отличие от материальных, концептуальные ряды основаны на постоянстве «панхронических ценностей и концептов» (с. 17) и во многом восходят к ремесленной терминологии (по принципу движения семантики слова от конкретного к абстрактному). На наш взгляд, это понятие расшифровано недостаточно.

Наконец, концептуализированные области – культурно-специфические ряды. Термин «концептуализированная область» сопоставим с терминами «поле» и «архетип», «семантический прототип» и определяется как сфера сочетания и взаимодействия явлений семантики языка и культурных

концептов каждой культурной традиции, или, иными словами, «как особый тип семантических связей, специфический для данного культурного ареала» (с. 26). «На лингвокультурном уровне, – отмечают авторы, – когда мы имеем дело с лингвокультурными процессами, обусловленными сменой культурных парадигм, мы встречаемся с градуальным, постепенным изменением языковых и культурных тем, не допускающим революционных скачков. Эта особенность связана с кумулятивным характером языковой семантики. Таким образом, в принципе, речь должна идти об изменении культурных парадигм, проявляющемся в концептуализированных областях, а не в изменение типов культуры» (с. 28). В заключение статьи приводится пример анализа концептуализированной области («Судьба»), рассматриваемой с привлечением обширного лингвистического материала и на широком культурно-историческом фоне (хетты, древние индийцы, египтяне, греки, римляне, германцы).

Лингвофилософский дискурс Ю. С. Степанова и С. Г. Проскурина наглядно демонстрирует регулярность взаимоотношений между феноменальным и историко-этимологическим развитием культурных концептов, подталкивая к дальнейшему изучению концептуальных областей и культурных парадигм как синхронно-диахронических образований, с особой ясностью проступающих сквозь призму лингвокультурного исследования.

П. Серю («В поисках четвертой парадигмы») начинает свою работу с тезиса, что лингвистика – наука, «в которой открытия играют несравненно меньшую роль, чем способы ставить научные проблемы – "стили мышления"» (с. 37). Отмечая вслед за Ю. С. Степановым, что в языкознании развитие теории движется от семантики через синтактику к прагматике (философия имени – философия предикатов – философия шифтеров), швейцарский лингвист высказывает мнение, что здесь «парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на одну, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» (с.52). Так, третья парадигма различным образом реализуется в англосаксонском и в романском мире. Иллюстрацией выступают два варианта интерпретации концепции субъекта речи Э. Бенвениста. *Н е р а с ч л е н е н н ы й* субъект сопоставим с субъектом в теории речевых актов, он «сознает себя и наделен интенцией общаться и влиять на собеседника» (с. 46). П. Серю называет его антропоцентрическим и прагматическим, указывая на то, что во Франции подход к субъекту как к нерасчлененной данности реализуется «главным образом в работах, вдохновленных идеями англосаксонской школы» (с. 47). В другой интерпретации субъект понимается как *р а с ш е п л е н н ы й* (сопоставим с пониманием субъекта в концепциях В. Н.

Волошинова, М. М. Бахтина и в психоанализе) – то есть «в одном говорящем может быть несколько субъектных производителей высказывания; иными словами может быть несколько субъектных пространств в высказывании одного и того же индивида» (с. 49). На наш взгляд, сосуществование парадигм в любом случае предполагает некую парадигмальную доминанту, которая и определяет лицо данного периода – по ней научная парадигма и дефинируется.

В статье *Н. А. Луценко* «*Взаимодействие парадигм в грамматике. "Философия морфемы"*» отстаивается жесткое понимание научной парадигмы в стиле Т. Куна, а противостояние младограмматической «философии слова» и структуралистской «философии морфемы» расценивается как парадигмальный разрыв. Интересной представляется выдвинутая автором идея переосмысления одних и тех же строевых и категориальных средств языка в различных парадигмах философии языка. Так, время и наклонение (модальность), первоначально понимавшиеся как словоизменительные категории (философия имени), затем – как синтаксические (философия предиката), теперь начинают связываться с шифтерами (философия эгоцентрических слов). Вполне возможно, что эта идея значительно глубже, и речь идет не просто о переосмыслении, но о «впитывании» понятий предыдущих лингвофилософских парадигм последующими и о включении их в более широкую сферу функциональных категорий.

В небольшой заметке «*Язык как объект исследования в свете синхронно-диахронной парадигмы*» *С. А. Мегентесов* останавливается на современной ситуации в теоретической лингвистике, характеризующейся, по мнению автора, «наличием целого ряда направлений при отсутствии единой связующей дисциплинарной матрицы» (с. 74). Выделяются три подхода к языковому материалу и речевой деятельности человека: системно-структурный (Ф. фе Соссюр), коммуникативно-функциональный (С. О. Карцевский, пражцы), генеративно-функциональный (Н. Хомский и последователи), которые признаются методологически неудачными либо в связи с гетерогенностью (пражцы), либо из-за неспособности решать вопросы периферийного порядка. Такая методологическая малопригодность преодолевается «с введением в парадигму лингвистического исследования исторического аспекта языка: ...с привлечением исторической перспективы возникает возможность в рамках самого языка решать вопросы, связанные с диалектикой (языковой) системы и ее использованием, со всеми вытекающими отсюда импликациями» (с. 75–76). Взаимообусловленность синхронно-системных и диахронических характеристик языка, проявляющаяся при соотношении «многочисленных парадигм и других сложных образований в системе языка с осью их исторического становления» (с. 78), иллюстрируется на примере

интересного анализа «каналов семантического переноса», методика выявления которых описывается. Однако, заметим, что идея синхронно-диахронной взаимообусловленности языковых явлений в отечественной лингвистике не нова и достаточно разработана (см. хотя бы: Журавлев – 1986). Что касается «каналов переноса», то являясь интересным, но вполне эмпирическим фактом языковой системы, они вполне могли бы быть описаны в проблемном сборнике типа «семантика языка в синхронии и диахронии», и не потребовалось бы сочинять под них тривиальные «лингвофилософские» тезисы.

Своеобразными представляются заметки *П. Серюо «О языке власти: критический анализ»*. Опираясь на материал работ А. и Т. Фесенко, Я. Карпински, М. Хеллера, К. Йонссона, исследователь предлагает типологию форм речи и форм восприятия к а н ц е л я р т а , а затем, на этой основе, соотносит официальный дискурс с субъектом речи (тема, по-видимому, относящаяся к излюбленным у автора). Выводы следующие: официальный язык – «это дискурс, который характеризуется чрезвычайно напряженным отношением между общепризнанной гомогенностью и монолитностью и сущностной гетерогенностью. Эта гетерогенность, которая может быть выявлена в глубинных синтаксических феноменах, указывает на постоянное присутствие предшествующих противостоящих дискурсов» (с. 100). Работа будет пользоваться популярностью, учитывая широкий фронт работ в данном направлении, открытый в Восточной Европе после развала «Великой империи». Кроме того, Д. И. Руденко усматривает здесь еще и базу для создания некоей «лингвистической политологии» в рамках философии языка (см. ниже).

Завершает сборник большая работа *Д. И. Руденко «Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры»*. В ней дан довольно полный анализ понятия «научная парадигма» в приложении к философии языка. Автор исследует концепции Т. Куна, М. Фуко, переломляя их к основной идее своего дискурса: «предполагается, что периоды, характеризующиеся параллелизмом идей, различные сферы интеллектуальной деятельности, – одной из которых для нас является философия языка – вступают в системные синхронные отношения. На таком пути, как кажется, могут быть сделаны некоторые нетривиальные – во всяком случае, более нетривиальные чем при "внутриязыковом" подходе к парадигмам философии языка – наблюдения» (с. 101). Избранный метод исследования – метод «перекрестных корреляций» – «прослеживание разнообразных (даже разнонаправленных) корреляций между соотношением аспектов языкового явления и соотношением лингвистических (лингвофилософских) идей, так или иначе относящихся к этому явлению» (с. 119). По мнению Д. И. Руденко, к кон-

тинууму основных понятий философии языка следуют относить «интенциональность», «внутренняя форма», «возможный мир», «фрейм». На этой базе намечаются некоторые основные направления исследования философии языка («лингвистическая политология», соотнесение лингвофилософских парадигм с идеями «социологии знания», в связи с социокультурной динамикой в стиле П. Сорокина, анализ семантических реконструкций и межъязыковых сопоставлений различного масштаба, изучение турбулентности и колебаний в лингвистических и лингвофилософских системах).

Особо рассматривается автором вопрос о «четвертой» (нарождающейся) парадигме философии языка. Полемизируя с П. Серио и Ю. С. Степановым («по Ю. С. Степанову, на современном этапе развития науки (о языке) синтез разделенных парадигматических подходов стал осуществляться в совершенно новом научном пространстве – в сфере когнитивных проблем» (с. 121), Д. И. Руденко прогнозирует ренессанс парадигмы «философии имени», «наиболее развитой и обладающей наиболее длительной историей из парадигм философии языка, выполняющей в ней функцию своего рода классической парадигмы» (с. 131). Завершается статья следующим «стимулирующим выводом»: «перспективы когнитологического подхода к философии языка оказываются почти необозримыми. Однако не менее широкими, по-видимому, являются историко-философские границы исследования философии языка: эту проблему можно сформулировать в духе "история философии языка как философия языка" (или даже "история философии языка как философия")» (с. 171).

В таком же своеобразном *Заключении* (Д. И. Руденко) к сборнику ставится проблема, которая выступит темой для генерации последующих философских дискурсов: «в какой мере философия языка является "поводом" для философствования как попытки ставить вопросы о бытии в целом, а в какой – его "пространством"?» (171).

Сборник «Философия языка: в границах и вне границ» без сомнения является ярким событием в отечественной лингвистике и философии.

Чуть ли не впервые за долгие годы в Славии начинают возрождаться традиции лингвофилософствования, «вне границ» официозных, ортодоксальных концепций, обезличивающих философа и ученого.

Чуть ли не впервые за долгие годы лингвисты заговорили нормальным человеческим языком недогматического философствования (т. е. философского дискурса, рассуждения) – в противовес топорной стилистике статей, написанных скучными параграфами школьных учебников.

Чуть ли не впервые за последние годы в лингвистику вновь возвратилась импровизация или, по крайней мере стилизация под импровизацию, показывающая языковое (речевое) развертывание свободной мысли исследователя и приглашающая размышлять (дискурсировать, медитировать) не вслед за ним, но вместе с ним.

Это, впрочем, симптоматично и является еще одним свидетельством того, что в языкознании зарождается новая парадигма. Каким будет ее лицо?

B. B. Борусевич (Киев)

Trost, K.: Zur semantischen Klassifikation der Substantive und des Genetiv-Akkusativs im Russischen. Studia et exempla linguistica et philologica. Series II: Studia minora, t. 2. S. Roderer Verlag, Regensburg 1992. 185 s.

Kniha významného německého slavisty prof. Klause Trosta je věnována sémantické klasifikaci ruských substantiv a s ní souvisejícím problémům pádové morfologie, především vztahu významu substantiva k výskytu genitivu/akuzativu (G/A), popř. nominativu/akuzativu (N/A).

Autor se v úvodu zamýšlí nad oprávněností sémantického kritéria životnosti/neživotnosti (*Belebtheit/Unbelebtheit*, popř. *Beseeltheit/Unbeseeltheit*; *одушевленность/неодушевленность*). Dochází k názoru, že termíny životnost/neživotnost, uplatněné v koncepcích řady lingvistů, nevystihují skutečný stav věcí a že pro diferenciaci výskytu G/A a N/A nejsou relevantní – srov. např. neživotná jména *мертвец, кукла* (G/A) proti životným *народ, скот* (N/A). Vycházejí z nutnosti diferencované analýzy vzájemně oscilujících rovin sémantické a gramatické, soudí, že výskyt G/A není odrazem jednotné a zároveň izolované lexikálně-sémantické kategorie, ale že zde hrají úlohu kategorie, resp. subkategorie další, které autor nazývá lexosémantická (tj. lexikálně sémantická), alexosémantická (nelexikálně sémantická) a alexosémantická (nelexikálně-nesémantická), sr. str. 21 n.

Mechanismu, který uplatnil analogicky už při popisu verbálního systému ruštiny i jiných slovanských jazyků (srov. bibliografii na str. 183–4), využívá Trost v recenzované monografii i k sémantické klasifikaci ruských substantiv. Výchozí kategorii nazývá exističní/konstituční. Na ní budují kategorie transituční. Ty se dělí dále na perstitute (další tvoření), distituce (změny) a restituce (zpětné tvoření). V protikladu k transitučním stojí kategorie perseverační.